

Цзянь Сэнь терпеть не мог саму мысль о том, что И Сыцзя пойдёт работать в чужой дом. Наниматься в прислуги казалось ему невыносимым позором. Впрочем, после ареста и пребывания в изоляторе он стал куда менее разговорчивым. К тому же И Сыцзя и не думала спрашивать его мнения — на следующий же день она ушла на работу. Именно из-за этого Цзянь Сэнь впервые за последние полмесяца сам заговорил с Янь Цуном.

— Мать только тебя и слушает. Скажи ей, пусть бросит это позорище! — насупившись, с раздражением бросил Цзянь Сэнь.

— И что же она делает? — Янь Цун удивлённо приподнял бровь.

— Да домработницей нанялась! — вскинулся брат. — Мы что, голодаем? Отец зашибает побольше других. А она прислугой пошла... Срамota же, ну!

— Разве мама говорила не о домашнем хозяйстве? К тому же, по её словам, они старые знакомые, и её дело — просто составлять хозяйке компанию. Что в этом постыдного?

Глядя на недоумевающее, по-детски невинное лицо Янь Цуна, Цзянь Сэнь понял, что мечет бисер перед свиньей.

— С тобой говорить — только время терять. Ни черта ты не смыслишь! — буркнул он и отвернулся.

«Ещё бы мне понимать в твоей глупости. Куда уж мне до тебя, такого знатока...»

Янь Цун прекрасно помнил, что в прошлой жизни, когда И Сыцзя устроилась к Яням, Цзянь Сэнь действительно устроил два грандиозных скандала именно под этим предлогом. Но сейчас всё складывалось иначе. Произошло слишком много событий, которых не было в его прошлом воплощении, и это неизбежно влекло за собой другие перемены. По крайней мере, тогда Цзянь Сэнь не пытался втянуть его в свои разборки. Очевидно, теперь старший брат просто трусил бунтовать открыто.

Впрочем, Янь Цун это мало заботило. Хотя ему и не хотелось, чтобы Цзяни приближались к семье Янь, сейчас этот шаг был необходим. Он получит лазейку. Позже он обязательно сорвёт эту «работу» И Сыцзя, чтобы его биологическая мать не пострадала от её козней. Но сначала нужно было закрепить за собой право регулярно видаться с настоящими родителями, иначе многие его планы так и останутся нереализованными.

Цзянь Сэнь, не дождавшись поддержки, решил выразить протест по-своему: за столом он теперь хранил угрюмое молчание и демонстративно игнорировал И Сыцзя. Мать лишь обречённо вздыхала, а вот Янь Цун был в полнейшем восторге. В доме наконец-то воцарился покой. Хоть бы этот бойкот продлился как можно дольше!

Приближались промежуточные экзамены Янь Цуна, а у Цзянь Сэня намечалась пробная аттестация. С его отношением к учёбе и без всяких проверок было ясно, что результат окажется плачевным, но И Сыцзя всё равно места себе не находила от тревоги. Даже Цзянь Нань, звоня с работы, всякий раз заводил разговор об успехах старшего сына. Отец прекрасно понимал, что в университет Цзянь Сэню не пробиться, но хотя бы прилично окончить школу тот был обязан. А там можно будет пристроить оболтуса в какой-нибудь колледж за деньги. Провалит он экзамен или сдаст — не важно, главное — сама попытка.

Наконец, под грузом родительских надежд и опасений, пришли результаты. Янь Цун чувствовал, что без помощи Системы здесь не обошлось: она не только быстро оживила в его памяти школьную программу, но и сделала ум более острым, а память — цепкой. В итоге за промежуточные экзамены он получил высший балл, если не считать крошечной поправки в сочинении, и с триумфом занял первую строчку в общешкольном рейтинге.

Янь Цун и раньше учился отлично. В прошлой жизни И Сыцзя с самого начала старшей школы промывала ему мозги: твердила, что в доме Яней он сможет посвятить себя любимой кулинарии, а диплом университета нужен лишь для поиска работы, так зачем терять четыре года, если можно сразу начать зарабатывать? С его способностями поступить в Государственный университет не составило бы труда. В прошлом семестре он занимал десятое место в параллели, а теперь вырвался в абсолютные лидеры. Скачок казался стремительным, но для него самого был вполне закономерным.

Учитель Ван лично позвонила И Сыцзя, чтобы искренне похвалить Янь Цуна. Однако по голосу матери она поняла, что та слушает её без особого энтузиазма, витая где-то в облаках. И Сыцзя вовсе не была равнодушна к успехам младшего, просто у неё не осталось сил из-за выходов Цзянь Сэня. Она надеялась, что её старший сын наберёт хотя бы по тридцать-сорок баллов за предмет, но тот ухитрился получить круглые нули по трём дисциплинам, а по остальным еле-еле наскрёб жалкие крохи. Оказаться на самом дне школьного рейтинга в выпускном классе — для любого родителя это сокрушительный удар.

Таким нехитрым способом Цзянь Сэнь бунтовал против матери. Его молчаливый ультиматум был прост: пока она прислуживает в чужом доме, приличных оценок ей не видать. Впрочем, Янь Цун понимал, что даже при всём старании брат не прыгнул бы выше головы, так что его провал был скорее удобным предлогом. И надежды Цзянь Сэня были обречены на провал. Настоящим сокровищем для И Сыцзя оставался Янь Сян. Она ни за что не упустит возможность быть поближе к родному сыну. Более того, ей нужно было втереться в доверие к семье Янь, исподволь влиять на Янь Сяна и подготовить почву для перехода Янь Цуна в их дом. Это был её единственный билет в роскошную жизнь. Разве могла она отказаться от своей мечты из-за двоек непутёвого старшего сына?

И Сыцзя было не до поощрений за первое место, зато Янь Цуна поздравили другие. Учитель Ван, Учитель Ли и Бай Цзиньчэн приготовили для него небольшие подарки. Учитель Ли преподнёс отличные плавательные очки — Бай Цзиньчэн тут же авторитетно подтвердил, что фирма дорогая и качественная. Учитель Ван подарила не банальные сборники тестов, а великолепное издание древних китайских трактатов, включая знаменитую энциклопедию «Тяньгун кайу». Для Янь Цуна, увлечённого ремёслами и кулинарией, эти книги стали настоящим сокровищем. А вот презент от Бай Цзиньчэна вызвал у него лишь нервный смешок. Тот ухитрился выбрать плавки с дурацким принтом в виде пяточка на задуге и закрученного

пороссячьего хвостика. Ткань плавок была отличного качества, но как взрослый тридцатилетний мужчина, пусть и запертый в теле подростка, мог показаться в подобном на людях?

На следующей неделе Бай Цзиньчэн, заметив на Янь Цуне старые плавки, подозрительно прищурился:

— Тебе не понравился мой подарок?

Янь Цун на мгновение лишился дара речи. Ну и как на такое отвечать? Не говорить же правду!

— Вовсе нет, — поспешно зачастил он, подыскивая благовидный предлог. — Просто мне жалко их надевать. Это ведь первый подарок от друга в моей жизни. Понимаешь, совсем не то же самое, что вещи от старших.

И пускай это была ложь во спасение, доля истины в его словах всё же крылась.

Юношеское самолюбие Бай Цзиньчэн мгновенно растаяло от такого признания. Он самодовольно хмыкнул:

— Ну... незачем так трястись над ними. Если нравятся, я тебе ещё одни подарю.

— Это совсем другое! Первый подарок всегда останется особенным, его ничто не заменит.

Если бы только Янь Цун знал, какую роль эти «коллекционные» плавки сыграют в будущем, он бы, не задумываясь, сносил их до дыр прямо сейчас...

Время пролетело незаметно, и на улицы Юйчэна лёг первый пушистый снег. Удивительно, но в своём портативном пространстве Янь Цун тоже ощутил дыхание зимы.

Когда он возился на участке, возводя навес для припасов, на его плечи опустились прохладные белые хлопья.

Четвёрка щенков, никогда в жизни не видевшая снега, пришла в неописуемый восторг. Стоило колючим снежинкам коснуться их влажных носов, как собаки принимались удивлённо тявкать, носиться по кругу и с упоением кувыркаться в сугробах. Лишь Сяо У, первородная курица, сохраняла истинно царственное величие. Важно вышагивая, она вела своих четверых цыплят к воде на охоту за сонной мошкаркой. В этой шумной компании из девяти зверей Янь Цун чувствовал себя по-настоящему счастливым. Пусть в пространстве всегда хватало тяжёлой работы, здесь его душу наполнял долгожданный покой. Это место стало для него настоящим

спасением. В реальном мире, сталкиваясь с семейством Цзянь, он тонул в удушающей ненависти и вынужден был плести интриги, к которым его душа не лежала. И только здесь, наедине со своими питомцами, он обретал дом — тихую гавань, где можно было забыть о тревогах и просто перевести дух.

За два месяца упорного труда его деревянный дом наконец-то обрёл законченный вид. Доски, колышки, усатую траву и прочие материалы он собирал вручную, а затем аккуратно скреплял и уплотнял по чертежам, предоставленным Системой. Пока его сил хватило лишь на две комнаты. Первую он обустроил под собственную спальню, совместив её с мастерской: здесь он отдыхал ночью, а в свободные от полевых работ часы изучал новые ремесленные навыки. Вторую комнату Янь Цун выделил для собак и птиц. С приходом зимы в пещере стало слишком промозгло. И хотя Система засчитывала укрытый усатой травой грот как пригодное жильё, сырость там стояла нешуточная, так что животным требовался более тёплый приют.

Очаг, сложенный из первородного камня, приходилось растапливать снаружи, но этот материал обладал поразительной огнеупорностью. Обычные дрова из пространства просто не могли его повредить. Благодаря этому собранная из мелких валунов и тонких плит лежанка вроде традиционного кана и небольшая плита оказались на редкость надёжными и безопасными в использовании.

Кухня пока оставалась под открытым небом, и в непогоду приходилось перебираться в пещеру. К счастью, она находилась совсем близко. В будущем Янь Цун планировал приспособить грот под склад, а когда накопит достаточно очков для покупки строительной техники — превратить его в полноценный цех. Разумеется, всё это он намеревался объединить с жилым домом в единый комплекс.

Надёжно заперев калитку лёгкого забора, чтобы щенки не разбежались по округе, Янь Цун покинул пространство. Стрелки часов приближались к шести утра, пора было вставать. Суббота — день тренировок в бассейне. Он уже успел приготовить для Бай Цзиньчэна поджаренные каштаны и глазированные грецкие орехи в медовой карамели, но стоило ему зайти в ванную, чтобы умыться, как его окликнула И Сыцзя:

— Эрбао, сегодня мы пойдём в гости к семье Янь. Позвони побыстрее Учителю Ван и отпросись с занятий.

Янь Цун мгновенно внутренне подобрался.

— Мы пойдём в тот дом, где вы сейчас работаете? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал буднично.

— Ну конечно, — с улыбкой отозвалась И Сыцзя. — Мама ведь когда-то уже служила у них. Кстати, ты родился в один день, месяц и год с их сыном. Если бы не их щедрость, я бы никогда не смогла оплатить роды в такой прекрасной клинике и получить такой уход. Но после твоего рождения я уволилась, поэтому ты их никогда не видел. Хозяйка дома очень хочет познакомиться с тобой. Она ведь держала тебя на руках, когда ты был совсем крохой!

«Держала на руках? Да она выносила меня под сердцем и в муках произвела на свет!»

Глядя на сияющее лицо И Сыцзя, Янь Цун едва сдерживал подступающую к горлу тошноту. Но в то же время его сердце забилося чаще от предвкушения встречи со своими настоящими родителями. В этот раз он сделает всё правильно. Он завоюет их расположение с первой же секунды. В прошлой жизни он наделал слишком много ошибок, показал себя капризным и неблагодарным эгоистом — теперь этому не бывать!

— Тогда я должен надеть всё самое лучшее! — с преувеличенным восторгом воскликнул он. — Нельзя же ударить в грязь лицом перед такими людьми.

— Вот и умница, — одобительно кивнула мать. — Давай поторапливайся. Завтракать пойдём в кафе, куплю тебе бургер, дома готовить некогда.

— А как же брат?..

— Разогрею ему вчерашние остатки, сам справится. Не думай о нём.

«Ради денег и выгоды она готова сделать разменной монетой даже собственного обожаемого первенца... Впрочем, какая разница, нас обоих она просто использует, каждого в свою меру».

Янь Цун поймал себя на мысли, что ему почти жаль Цзянь Сэня. В конце концов, И Сыцзя и Цзянь Нань сами вырастили из него безвольного эгоиста. А может, вся семейная гниль семейства Цзянь, вся их примитивная злоба просто сконцентрировалась в характере старшего брата. С другой стороны, иметь дело с такой глупой и очевидной злостью было куда проще, чем с тонким коварством их матери.

Вернувшись в комнату, Янь Цун ненадолго задумался, а затем снова вышел на кухню.

— Мам, а можно мне взять с собой ту баночку яблочного джема, что я приготовил на днях? Всё-таки я иду в такой дом впервые, неприлично заявляться с пустыми руками.

Разумеется, тот джем, который пробовала И Сыцзя, был сварен из обычных яблок, купленных у уличного торговца. Янь Цун понимал, что если он хочет открыто дарить свои кулинарные творения учителям, то не должен скрывать своё хобби от матери. К счастью, И Сыцзя всячески поощряла его интерес к готовке, видя в этом залог его будущей «службы» у богачей, поэтому никогда не запрещала ему возиться у плиты.

Сегодня всё повторится. Ради возможности блеснуть кулинарным талантом И Сыцзя непременно согласится на его просьбу. А сам он незаметно заменит баночку в холодильнике на ту, что наполнена джемом из яблок его тайного пространства. Так он сможет укрепить здоровье своей настоящей мамы и сразу же произведёт на неё неизгладимое впечатление своим мастерством. Идеальный план.

<http://bllate.org/book/20137/2131487>